

Светлана
Иванова-Оболенская

СЛИШКОМ КРАСИВАЯ

роман-эпопея

РАССКАЗЫ

Москва
Порт приписки
2021

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)
И21

Иванова-Оболенская С. В.

И21 Слишком красивая: роман, рассказы / Светлана Иванова-Оболенская. — Москва : Порт приписки, 2021. — 302 с.

ISBN 978-5-6045769-0-8

Вошедшие в книгу роман и рассказы написаны давно. Но темы, поднимаемые автором, вечны: красота, любовь, сострадание...

Родившаяся красивой — счастлива ли она? Роман «Слишком красивая» повествует о судьбе русской красавицы брежневской поры, о кабаках и номенклатурных загулах, о тяжелом похмелье в обществе местных ловцов удачи и заезжих фирмачей, о так называемой центральной московской тусовке советских лет. О том, как природная красота, будучи брошенной на поругание равнодушной толпы, обречена на растление и крах.

Рассказы — о другом. Однако высокий уровень психологизма безусловно делает их достойными включения в контекст основного повествования.

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)

ISBN 978-5-6045769-0-8

© Светлана Иванова-Оболенская, 2021
© Издательство «Порт приписки», 2021

СЛИШКОМ КРАСИВАЯ

Роман-эпопея

*Посвящается самой
красивой девушке Москвы
и Московской области
Лизочке Граниной*

Вступление, которое можно пропустить

...Как много писалось ранее и пишется до сих пор о языке литературного произведения: наличествует он или нет, богат или беден, скучен или цветист. Однако за сонмы столетий и революционизирующих перемен литературный язык не претерпел сколько-нибудь существенных изменений: чтобы вместо подлежащего водрузилась вдруг на главное место в предложении какая-нибудь частица или междометие, а сказуемое (от слова «сказ») обернулось вдруг второстепенным членом предложения. Тем не менее, язык, стиль в литературном тексте важен и для автора, и для читателя. Пожалуй, слишком важен!.. Порою с первых строк становится ясно, твоя это книга или нет, будешь продолжать чтение или отложишь сочинение в сторону. Существуют авторы, чьи повествования таковы, что заставляют преодолевать немалую часть страниц, прежде чем возникнет интерес к написанному. Сие, однако, не означает, что автор плох. Впрочем, довольно. Речь в Предисловии не совсем об этом...

А о том, что ждет вас здесь, читатель, история одной — и даже не одной — жизни, облаченная в весьма нестройный, разновеликий язык, кой есть образ и подобие жизни, в которой жили, чувствовали герои. Надеюсь, что неологизмы, псевдокрасивости, неблагозвучные реплики, просторечия, а порою нецензурная брань не слишком покоробят природную взыскательность читателя. И еще признаюсь: трудно было порою удержаться, не поддаться, не окунуться в соблазн языковой «красивости», но я старалась как могла. Что получилось — судить вам.

*Под насыпью, во рву некошенном,
Лежит и смотрит, как живая,
В цветном платке, на косы брошенном,
Красивая и молодая...*

А. Блок

I

Квартирка располагалась не в самом чудном районе Москвы: в так называемой новостройке. Была маленькая и какая-то сплюснутая, с корявым иллюзорным балконом, торчащим эдакой кочерыжкой, обломком-зубом, в чреде таких же манкуртов — балконов-зубов. Все обиталище смотрело тоскливым ликом на засиженную собаками и бабушкиными внуками детскую площадку. Площадка, как и водится, граничила бок о бок с санитарно-гигиенической зоной, а попросту с огромными мусорными контейнерами, которые по утрам опорожнялись с таким неприветливым сюрреалистическим звуком, что спросонья хотелось поскорее вновь закрыть глаза и уж подольше их не открывать.

Это особенно нервировало летом, когда ввиду жары балкон и окна приходилось держать открытыми. Тогда звуки и брань вперемешку с испарениями гниющих отходов обращались в такую экологически неудобоваримую структуру, что, как бы сказал писатель давно ушедшей поры, *от такой жизни — хоть в петлю!*

Но не все ж писатели (и в основном не они) населяли эту пятиэтажную, крупнопанельную, энергомонтажную, или как там еще... обитель. Жили здесь люди простые, как говорится, без претензий, а если и писали иногда *грамоты*, то исключительно по поводу невовремя включенного отопления или вдрызг износившегося унитаза.

Что же касается нервирующих определенных слои интеллигенции эко-структур, то обитатели дома их попросту не замечали, вкусив от них еще находясь в утробе матери, праматерь которой, может, когда-то черпала от совсем иных воздуха и пейзажей (живя в отдаленных от центра российских

просторах), но не отдавала себе отчета в их первозданной безгрешной прелести и всей неоперившейся душой рвалась к другой — городской, цивилизованной жизни, которую посулил ей (как опять же сказали бы встарь) заезжий пустопорожний молодец-кавалергард. Но то в писательских, буйных на красоту понятиях. В жизни все было много проще...

Земельные недороды, грязь, вечно крестьянский втрипогибельный труд, торопливые грубые засосы в вонючем, кишасщем крысами амбаре, куча детей, народившихся как бы невзначай — хилых и брызгающих слюной из-за вечного насморка и аденоидов — все это когда-то исподволь подтолкнуло деревенскую прамамашу неосознанно, но с уже обуревающим постоянством искать другой жизни для своих слабо развивающихся, рахитичных и кривоногих, но уже готовых тянуть ту же лямку птенцов. Она и кутала их, и обогривала, и подтирала носы, когда уж и рук было поднять неумоготу, а сердце подпирало от новой бьющейся на волю жизни.

— Кушай, кушай, горюшко ты мое! — приговаривала она, суя ложку в открытый хоботок, другой рукой тем временем толкая разбитую, перевязанную в нескольких местах люльку. — Вот вырастешь, в школу пойдешь, а там — в город! На большого человека выучишься!.. А что?.. И жизни этой — гнилой да упряжной — не изведаеть!.. — говорила то ли себе, то ли в затылочек засыпающему, измазанному в каше младенцу.

И среднему, и старшенькому одновременно успевала сказать хорошенькое ласковое слово, что лечило, подергивало успокаивающей пленкой терпимые от нелюбимого пьющего отца, от соседских злобных ребят обиды.

Вот и росли они не под стать всему деревенскому окружающему люду: жалели нищего старика, на которого уже рукой махнули и подыхать ни с чем оставили собственные дети, воду да поленья еловые на зиму старушке на тележке самодельной волокли, мать, зажмурив от страха глаза, навалившись всей кучей-малой, от бушующего пьяного отца

защищали и с каждым днем все больше и больше уверялись: не должно быть так в жизни, не должно!

Хотя учеба и не бог весть как гладко складывалась: не очень прыткие да досужие наукам головки сидели на тонких шейках, но зато до всякого мастерового дела были они сподручны. Учителя и любили, и прощали их, и особых знаний да расторопности мыслительной не требовали: деревенское дело — главное в руках!

Постепенно зимы и лета отсчитывали им положенное число годков, после которых — по верному материнскому наказу и по своему самостоятельному разумению — отправлялись они счастья искать: не за тридевять земель (как сказал бы народный сказитель), а в города соседние областные, а потом, если повезет (а повезти при усилении должно обязательно!), в настоящие: большие и центральные.

Там их, что верно, то верно, не с распростертыми объятиями встречали: и понукали, и высмеивали их беспросветную деревенскую дремучесть. Но не роптали они, не озлоблялись, а только терпеливо ждали, лелея в глубине себя надежду, что пусть не им, но их сыновьям, а если нет — то внукам, суждено исполнить материнский, когда-то на хорошую жизнь данный, наказ.

Разбрасывало их, перемешивало с кичащимся своей особенностью городским народом. Заставляло и дворниками, и посудомойками служить, битыми в драках ходить, слезами, а порой и кровью, умываться. Но иногда, в окутанной тьмой подворотне, сдачу, месть телесную обидчику нанести, да такую, что после этого важничающий краснобай-горожанин в уме и повадках на всю жизнь бесповоротно сдвигался.

Позже, однако, тех первых трудяг — дворников и посудомоек — другой деревенский контингент сменил. Потянулись они по городам цепочками разнокалиберными: на язык да на глаз завистливые, на неправые темные дела разухабистые. Видать, их трудность деревенская в свой оборот взяла, покрутила, поварганила и, так ни себе, ни им ничего не дав, на дорогу выбросила.

Уж не отважные вовсе были они на всякий черновой, какой ни попадя, труд. Уже и оплату за стойку у станка и в шумливом бабьем цеху да на антресолях штукатурных требовали поболее. И картошкой да хлопьями овсяными, в противовес колбасе и осетрине, уже не удовлетворялись. «Мы — работяги! Производители ценных благ, пусть и платят нам по справедливости!» — заговаривали порой самые бедовые из них в порыве особого, сиропом сорокоградусным подогретого, откровения. Не суразили, полуграмотные, что не их исконная потреба в городах да заводах, словно в тюрьмах, селиться, а это История на их судьбах изволит вершить новый экзистенциальный виток марксистско-ленинского постулата «о слиянии города и деревни».

Кто-то из них таки пообтесался, стал ловким, гладким, речь тренированную столичную приобрел, в начальники подался. Другие же от своего первородного простоволосого, не тугого на красноречия житья-бытья не избавились, заводские да фабричные сутолочные казармы-общезития пополнили да так в них со всем своим потомством и затеялись.

...Город!.. С сюртуками да кринолинами раньше, с шикарными ресторанами да бесшабашными лихачами-кучерами, со знойными вертепами да сногшибательными, знающими себе цену красотками!..

...Город!.. С водопроводом и канализацией сейчас, с расквартированными, согласно количеству на квадратный метр, жильцами, со вставанием по будильнику, с воскресными путешествиями в музей, с машинами и холодильниками по льготной очереди!.. Разве допустишь ты в свои облагороженные пенаты, не поморочив, не раздолбав в пух и прах, простого деревенского трудягу?.. Поприветствуешь ли ты наивного работопроизводителя, который пришел тебя потеснить не с тем, чтобы умалить и очернить твое изнеженное и отстиранное в прачечных и химчистках достоинство, а с тем, чтобы прибавить в твои закрома побольше

содержательного блага, умножить твои, далеко не неисчерпаемые, богатства, взять на себя самую воловью частицу сознательного цивилизованного индустриального труда?..

Допустишь, пожалуй, но непременно с оговоркой: чтобы не слишком близко пролегали тропы их ежедневных усилий, чтобы запах и пот не оскверняли чувствительные ноздри твоих урожденных горожан, чтоб бесхитростные гармошечные утехы происходили за сотни кварталов от благопристойных, напичканных импортным бельем и гарнитурами, разламывающихся от *пастернаков* и *бабелей*, сияющихся поглотить все самые чистопородные *соны* и *панасоники*, жилищ.

Конечно жили они не в трущобах, эти трудяги-работяги. Жили они в так называемых новостройках, одно ненароком упоминание о которых корежило губы иных известных и почитаемых горожан-писателей и режиссеров и вызывало неизменный снисходительный возглас: «Коньково?!.. А где это?.. Никогда не слышал!..»

Но между тем жили и, можно сказать, не тужили эти простые выходцы из деревень. Работали — не потели, сверх нормы себя не изнашивали, и не по гордыне, а по привычной своей натурной лени другой жизни — послаще да потеплее — не требовали. При случае похвастаться тоже могли, оказавшись где-нибудь подальше от своего городского жилища, что они-де люди столичные: москвичи и ленинградцы! — чем вызвать уважение и завистливые повадки у своих, по образу и подобию скроенных, односельчан-деревенщиков.

Исконная, почвенная, физическим трудом наполненная жизнь совсем из наследственной памяти стиралась. Уже и заботы появлялись другие: как бы от соседей, что побогаче да понаряднее, не отстать, такой же телевизор и холодильник приобрести, шторы позаковыристее на окна повесить, туфли непременно импортные на каблуках надеть.

Но уж больно цены укусливые в этих столичных городах: как ни вертись, а все не удастся на что-то хорошее денег схоронить, да и на самое-то простое тютелька в тютельку хватает. Смотришь, а уж сосед ковер, прилавок импортный

приобрел. И откуда только у людей деньги берутся?! Тут как ни тужься — а все новые прорехи да нехватки в глаза лезут.

Плюнули тогда многие из них на все свои неудавшиеся зачины, поняли, что не угнаться им, с их наскоро обретенной квалификацией слесарей и монтажников, за более счастливыми согражданами. А где хмурь, да неудовольствие, да безнадега — там и тропинка спасительная на глаза сама просится, вырисовывается. Да дружки беспечные, такие же трудяги-неудачники, к себе клонят: «Зайди, опрокинь стакан — сразу легче станет!»

Стакан!.. Его лучше всего, конечно, в тепле да уюте, да при хорошей компании в тело погрузить. Но где там!.. У всех жены — настоящие цап-царапычи, орут, гонят бедолагу на улицу, в подворотню. А там ведь не рассидишься, горячему зелью не дашь спокойно утрамбоваться в желудке, перемешаться, обезвредиться порцией доброкачественной, домашне-приготовленной еды. А вскоре и полстакана с лихвой хватает. А после него развозит — ну в дребедень, ноги в вареные обращаются, и чуть неверный шаг — то и в канаву.

По первому случаю страшно вот так лежать и вверх глазеть на чистых и добропорядочных, но это только по первому разу. А потом привыкаешь, и уж два дня в месяц: будто сам добровольно-принудительно на это самое низкопадение напрашиваешься. И угрызений вроде бы никаких: все ведь дружки-собутыльники так! Куда уж тут воспротивиться окружающим неблагозвучиям да воротящим с души запахам: все путем, все так и должно! Спасибо хоть, бог послал, на бутылку хватает!..

II

Квартирка, о которой пойдет наш рассказ, находилась в среде именно такого обитания. Здесь каждый сосед норовил другому в самую утробу заглянуть, и если чего в ней увидеть такое — выходящее за рамки общепривычного